

0983

ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN[®]

Кейтлин Крюс

**СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ
ОБОЛЬСТИТЕЛЯ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кейтлин Крюс
Секретное оружие
обольстителя
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 983

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55185219

Секретное оружие обольстителя: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09032-4

Аннотация

Пия Сан-Джакомо Комб, дочь самой красивой женщины планеты Александрины Сан-Джакомо и самого удачливого и беспощадного бизнесмена Эдди Комба, всегда считала себя «серой мышкой» в тени знаменитых родителей. После их скоропостижной смерти Пия скандально прославилась, забеременев от прекрасного незнакомца, с которым провела ночь. Его имя она узнала, когда была уже на шестом месяце беременности. Оказалось, что отец ее близнецов – наследный принц Арес из королевства Атилия. Арес не хотел иметь детей и не собирался жениться. Но не отказываться же от наследников престола...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кейтлин Крюс

Секретное оружие обольстителя

His Two Royal Secrets

© 2019 by Harlequin Books S.A.

«Секретное оружие обольстителя»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

– Соответствовать – вот что главное, – наставлял пятилетнего наследного принца Ареса строгий, надменный отец.

Арес был слишком мал и понятия не имел, что это значит и какое имеет отношение к нему. В пять лет мальчик в первую очередь думал о том, как бы подольше побегать по дворцу вне поля зрения няни, которая постоянно пыталась заставить его «вести себя как джентльмен».

Он научился не задавать вопросов своему высокородному родителю. Король всегда прав. А если вы думаете, что король не прав, то ошибаетесь.

К десяти годам принц Арес уже точно знал, о каком именно соответствии говорил отец, и ему до смерти надоело слышать о своей благородной крови.

Это всего лишь кровь. Никому не было дела до того, что он содрал кожу с колена, зато он постоянно слушал лекции о назначении своей крови, ее исключительности и важности. Хотя это обычная кровь, постоянно сочившаяся из царапин, которые Арес получал, делая то, что ему запрещено делать во дворце. Из-за его шалостей старая няня заработала немало седых волос.

– Сам по себе ты ничего не стоишь, – напыщенно поучал отец во время аудиенций с сыном. – Ты всего лишь звено благородного рода, не более того!

Король отличался бешеным нравом и постоянно швырял посуду и графины о стены своих личных покоев. Арес не получал удовольствия от этих встреч, правда, это никого не интересовало. Ему повелевали не двигаться, когда бушевал отец. Сидеть прямо, отводить глаза и воздерживаться от каких-либо реакций. В десять лет он понял, что это своего рода пытка.

– Он любит движущуюся мишень, дитя мое, – говорила ему мать дрожащим голосом. – Поэтому сохраняй безупречную осанку и не выдавай своих эмоций даже движением ресниц.

– А что будет, если я брошу что-нибудь в стену?

Королева лишь грустно улыбалась.

– Не делай этого, Арес. Пожалуйста.

И он начал воспринимать это как игру. Притворялся статуей, вроде тех, что красовались в королевской галерее северного дворца с тех самых пор, как острова, составлявшие королевство Атилия, поднялись со дна моря.

– Наш род веками держал корону Атилии, – грохотал отец. – И теперь ответственность за нее полностью в твоих руках. А ты слабак. Мне с трудом верится, что ты – мой сын.

«Я весь из камня», – убеждал себя Арес, глядя на море за окном.

Подростком он достиг совершенства в искусстве сидеть неподвижно в присутствии отца, с каждым днем все больше убеждаясь, что в нем нет ни капли крови старого короля.

Слишком уж он ненавидел отца, чтобы быть его родственником.

– Ты никогда, слышишь, никогда не должен произносить такие вещи вслух, – выговаривала ему мать устало и серьезно. – Ты никогда и никому не должен позволять сомневаться в твоём происхождении, Арес. Обещай мне.

Конечно, Арес обещал. Да он пообещал бы матери все, что угодно.

Тем не менее иногда наследный принц бывал не в настроении играть роль статуи. Временами он дерзко посматривал на отца, безмолвно вынуждая дряхлеющего, сгорбленного короля бросить в него что-нибудь.

– Ты меня только разочаровываешь, – басил король при каждой встрече, которые, к счастью, случались несколько раз в год, потому что Арес жил в школах-интернатах по всей Европе. – Чем я провинился, почему у меня такой слабый наглый наследник?

Это, естественно, лишь поощряло Ареса оправдывать худшие ожидания отца.

Он соответствовал и веселился. Свободно и безрассудно, рассматривая Европу как обширную площадку для своих игр. Он завел друзей во всех суперэлитных школах, из которых его постоянно отчисляли. Вместе со скучающими богатыми друзьями они колесили по континенту, от Альп до пляжей Средиземноморья, от подпольных клубов Берлина до вечеринок на суперяхтах.

– Теперь ты мужчина, – с горечью сказал отец, когда Аресу исполнилось двадцать один год. – По возрасту.

По закону королевства двадцать один год был возрастом, когда наследник престола официально признавался принцем, имеющим право на трон. Родословная чепуха заботила Ареса гораздо меньше, чем в пятилетнем возрасте. Куда больше его занимали тусовки, вечеринки и открывающиеся перспективы получения доступа к своему огромному богатству.

– Не бойтесь, отец. Я не собираюсь вести себя хуже, чем до сих пор.

– Куда уж хуже.

Арес даже не возразил. Во-первых, потому, что отец прав. А во-вторых, король – страшный лицемер. В молодости он сам славился дикими похождениями. К тому же, в отличие от Ареса, отец был помолвлен с его матерью со дня ее рождения. Еще одна причина ненавидеть этого человека.

– Ты говоришь так, будто это самая ужасная вещь на свете, – язвил Арес.

Взрослый человек, по крайней мере, так ему говорили, он уже больше не притворялся статуей на аудиенции с отцом. Наследник королевства, наделенный обязательствами по отношению к своему народу.

Он стоял у окна отцовского кабинета и смотрел на пологие холмы и кристально-голубое море. Атилия для него всегда была именно такой. Рокот волн. Ненавязчивый сладкий

аромат цветов. И Ионическое море, простиравшееся перед ним.

– Тебе пора жениться, – нараспев произнес отец.

Арес повернулся, улыбнувшись, и громко засмеялся. Отец так серьезен.

– Вы ведь не думаете, что я выполню это указание?

В тот день отец разбил графин, принадлежавший семье с XVIII века. Тот разлетелся на осколки немного левее Ареса, а он даже не дрогнул. Только смотрел на старика.

Однако это что-то сломало внутри Ареса. И дело вовсе не в осколках бесценного хрусталя и не во вспыльчивом нраве отца. Это просто шоу, которому сопутствуют титулы, земля, родословная. Для отца это имеет значение, для него – нет. Его воспитывали не родители, а слуги, постоянно следили за ним. Он появлялся перед отцом лишь время от времени, притом тогда, когда его поведение было безупречным. Или хотя бы терпимым.

Он не мог отделаться от мысли, что предпочел бы вообще не быть принцем. Но если нет выбора, нет и необходимости участвовать в передаче бессмыслицы, связанной с кровью и титулом, следующему поколению. Арес не собирается жениться. И категорически против того, чтобы иметь детей.

Ему иногда казалось, что именно родословная вкупе с короной сделали отца монстром, чудовищем для собственного сына и холодным к матери. Арес не хотел передавать детям плохую наследственность.

– Ты не должен раздражать отца, – выговаривала мать несколько лет спустя после его очередного разговора с королем о брачных планах, когда Аресу исполнилось двадцать шесть. – Нам придется импортировать графины из южного дворца.

Атилия – древнее островное королевство в Ионическом море. Северный остров географически севернее, и там располагается величественная резиденция королевской семьи. В южном дворце – на самом южном острове – семейство отдыхает.

– Я не могу угадывать и контролировать то, что раздражает этого человека. А если бы и мог, то последние двадцать шесть лет были бы совсем другими. К тому же во дворце еще достаточно хрупких предметов, которые можно разбить.

Мать улыбнулась ему, как раньше, нежно и печально. Очевидно, спасти его от отца она не в состоянии. Невозможно заставить короля обращаться с принцем так, как с ней, – с ледяным безразличием.

– Иметь семью – не самая худшая вещь в мире.

– Это не для меня. – С годами его убежденность в преимуществах свободы только крепла. – Я смотрю на твой брак с отцом, на то, что тебе приходится выносить, и не рискую утверждать, что меня сильно вдохновляет.

Это правда. Кроме того, Арес наслаждался жизнью. В королевстве ему принадлежит Сарацин-Хаус – роскошное поместье, часть дворцового комплекса на северном острове.

Правда, он обитал там редко, предпочитая энергию Берлина, суету Лондона, безумство Нью-Йорка. В общем, те места, где нет отца.

А еще Арес пока не встретил женщину, которая его бы заинтересовала больше, чем на одну-две ночи. И уж тем более он не мечтал о пышной королевской жизни в угоду традициям.

– Я вижу, как ты на меня смотришь, – упрекнула мать. Она сидела, как всегда, прямая и элегантная, на кушетке в своей любимой комнате, залитой солнечным светом. – И я не настолько стара, чтобы не помнить, что в молодости вряд ли можно предсказать, куда повернет жизнь.

– Надеюсь, ты не собираешься рассказывать мне о волнениях своей юности. У меня сложилось впечатление, будто большую часть молодости ты провела в монастыре.

Улыбка королевы намекала на секреты и радовала Ареса. Ему нравилось думать, что у матери в жизни, помимо ледяного холода, которым веяло от отца, были и поводы для радости, и хорошие воспоминания.

– Ты должен найти жену такого же происхождения, – внушала мать. – Ты станешь королем, Арес. Как бы ни сложился ваш брак, о чем бы вы ни договорились, репутация королевы должна быть безупречной. Как, впрочем, и твоя. Ты понимаешь, о чем я?

Он понимал. Но это не означало послушание.

– Постараюсь как можно дольше откладывать женитьбу. –

Арес улыбнулся. – Я более чем счастлив сделать тебе одолжение.

Ему было почти тридцать, когда мать внезапно умерла, сгорев от быстро прогрессирующего рака, который она посчитала вирусом гриппа. Арес долго не мог прийти в себя и скорбел, когда через несколько месяцев после похорон отец вызвал его в северный дворец.

– Ты должен знать, что самым заветным желанием твоей матери была твоя женитьба! – прорычал король, сжимая в руке, словно оружие, хрустальный бокал. – Продолжение рода – твой священный долг, Арес. Время игр прошло.

Однако он в тот момент был менее всего расположен думать о продолжении рода. Мать оставила ему все свои бумаги, включая дневники, которые вела с детства. Он, скучая по ней в мрачные месяцы после ее смерти, прочитал их. И узнал правду о своих родителях. Скорее, об отце и его браке. После рождения Ареса мать пыталась забеременеть, однако врачи дали понять, что она, скорее всего, больше не сможет иметь детей. Король был взбешен, не стесняясь, выставлял напоказ своих любовниц – придворных дам, которые ворковали с Аресом в детстве. Как же он не понял, кто эти дамы? Отец разбивал сердце матери снова и снова, всякий раз таща в свою постель очередную пассию.

Арес и раньше был не слишком привязан к отцу, а эта информация и вовсе вынудила его глубоко и бесповоротно возненавидеть родителя.

Сжимая кулаки, он бесстрашно бросил обвинение:

– Ты постоянно предавал мать. И с чего, собственно, ты присвоил себе право говорить о ее самых заветных желаниях теперь, когда она умерла? Да как ты смеешь?

Король закатил глаза.

– Ты отказываешься следовать долгу. И мне надоело нянчиться с тобой.

– Если ты так уж заинтересован в продолжении рода, я предлагаю тебе самому этим озадачиться. Зачем тебе я? Кроме того, я высказался предельно ясно: в мои планы это не входит.

– Почему я не удивлен? Ты просто слабак, был им, есть и останешься. Ты даже готов отказаться от трона.

Отец женился снова, причем довольно быстро, на женщине моложе Ареса. Сын спровоцировал скандал, отказавшись присутствовать на свадьбе. Государство пребывало в смятении. Королевские советники были вне себя.

– Репутация трона запятнана! – восклицал старший советник сэра Бартоломыю. Он проделал путь до Нью-Йорка, чтобы предстать перед Аресом. – Королевство пошатнулось. Твой отец завел любовницу и осмеливается называть ее своей королевой. И утверждает, что, если она родит ему наследника, он займет трон в обход вас. Вы не можете этого допустить, ваше высочество!

– Как я могу этому воспрепятствовать?

Он живет на другом конце планеты, выполняет государ-

ственные обязанности и занимается благотворительностью. И да, по-прежнему наслаждается жизнью, насколько может. Пресса любит его и ненавидит короля.

Однако Арес не намерен осуждать отца, ему не интересны дворцовые игры.

– Вы должны вернуться в Атилию, – настаивал сэр Бартоломью, – вам надлежит жениться. Люди не видят выбора, а ваш отец продолжает называть вас принцем-плейбоем. Вот если бы вы вернулись и показали народу, что можете править страной, вести ее к процветанию.

– Я не тот король, которого ты ищешь. И никогда не стану. Не собираюсь продолжать порочную родовую линию. Хочу, чтобы род прервался. Если у отца появятся еще дети, мои соболезнования им, когда достигнут совершеннолетия.

Советник, побледнев, ушел. Арес вновь подумал о матери. Он отдал бы все на свете, чтобы еще раз услышать ее голос, увидеть грустную улыбку, ощутить нежное прикосновение.

«Ты должен жениться». – Он словно услышал ее, будто она сидела рядом, элегантная и добрая.

Как же он скучает по ней. Однако по стопам родителей не пойдет.

В кармане зажужжал телефон. Ну конечно, очередные приглашения на его любимые вечеринки, где можно забыть, что он наследник, продолжатель проклятого рода. Арес взглянул на свое отражение в зеркале. К его глубочайшему сожалению, он больше похож на короля, а не на мать.

Он расправил плечи, пока осанка не стала такой совершенной, как хотелось бы маме, если бы она его увидела сейчас. Ему нравилось представлять, что она все еще видит его.

И он пошел прочь, растворившись в манхэттенской ночи.

Глава 2

Пять месяцев спустя

– Беременна?

Пия Александрина Сан-Джакомо-Комб смотрела на старшего брата Маттео хладнокровно настолько, насколько позволяли способности.

Она практиковалась у зеркала месяц или два, но по-прежнему не была уверена, что достигла мастерства.

– Именно это я и сказала, Маттео. – Она призывала себя к спокойствию и сдержанности. Это она тоже репетировала.

– Ты же несерьезно? – возмутился брат с неподдельным ужасом.

Пия стояла перед широким письменным столом в библиотеке старинного особняка, принадлежавшего ее отцу с тех пор, как его предок Харди Комб оставил текстильную фабрику. Она не особенно вникала в лекции о великой истории своей семьи, как со стороны матери, так и со стороны отца. Ее родители любили читать друг другу лекции, будто их истории – сплошная череда сражений за превосходство.

На ней было платье, слишком тесное, чем хотелось бы. Черное траурное одеяние, в которое она облачилась шесть недель назад, когда умерла мать. Пия заметила, как недоверчивый взгляд Маттео остановился на ее предательски выпиравшем животе.

Мать за неделю до смерти тоже обратила внимание на то, что Пия «поправилась». Девушка давно поняла, что ей нужно держать вес под контролем, чтобы не подвергаться насмешкам матери. «Жир – это для бедных девочек, у которых нет никаких перспектив. – Легендарная Александрина Сан-Джакомо наставляла несчастную двенадцатилетнюю дочь. При этом ее великолепное лицо было невозмутимым, что еще больше усугубляло ситуацию. – Ты – Сан-Джакомо. У Сан-Джакомо не бывает щек бурундука. Полагаю, тебе стоит отказаться от сладостей».

После такого заявления Пия была полна решимости, если и не соответствовать невозможному стандарту грации и красоты матери, то, по крайней мере, избегать ее язвительных выпадов. Подростком она строго соблюдала диету, однако щеки упорно отказывались худеть и сами собой исчезли ближе к двадцати двум годам.

К сожалению, вскоре после этого случилась роковая поездка в Нью-Йорк.

Известие о том, что дочь больше не невинна и, хуже того, беременна от незнакомца, подкосило мать. Пия не знала, возможно, именно поэтому с ней случилось то, что случилось. Пия не знала наверняка, произошло ли потому, что ее незамужняя дочь беременна и скандал не за горами. Александрина вбивала ей в голову мысли о том, конечно, не буквально, что Пия должна быть чистой, а репутация безупречной. А язык у мамы хуже молотка.

Через шесть недель Александрина умерла, оставив маленькую семью – и планету, полную поклонников, – в состоянии отчаяния. А три дня назад отец, могучий и беспощадный Эдди Комб, которого Пия считала бессмертным, слег с сердечным приступом и умер в ту же ночь. Отныне Пия была уверена в том, что это все ее вина.

– Ты серьезно? – Маттео помрачнел.

Она старалась хранить спокойное и бесстрастное лицо, как это делала мать, особенно когда была в самом ужасном состоянии.

– Боюсь, что так.

Брат выглядел оглушенным.

– Ты ведь знаешь, нам предстоят похороны отца?

Очевидно, это был риторический вопрос. Она смотрела мимо брата на раскинувшуюся за окнами сельскую местность Йоркшира, зеленые холмы под бронзовым небом. Маттео взглянул на нее, а когда заговорил снова, ей показалось, будто он старается быть добрым.

– Ты выглядишь беременной, Пия.

Кто бы отрицал.

– Я знаю.

– На панихиде будет пресса. Множество папарацци, куда ни глянь. Шесть недель назад их не было, зато сегодня они будут неистовствовать. Ты же понимаешь, что твоя уже очевидная беременность произведет эффект разорвавшейся бомбы.

– И что ты предлагаешь?

Если она не появится на похоронах, кому от этого хуже или лучше?

– Как, черт возьми, это случилось?! – прорычал Маттео.

Пии всегда казалось, что они с братом не слишком близки. У них десятилетняя разница в возрасте, и они – плоды бурной драматичной любовной истории своих родителей. Эдди Комб был известен беспощадным нравом к конкурентам в бизнесе «Комб индастриз». Александрина Сан-Джакомо считалась самой красивой женщиной в мире.

На ее похоронах поп-звезды пели элегии, мир смотрел телевизионную трансляцию, все плакали и выкладывал фотографии черных повязок. С тех пор не проходило и дня, чтобы Пия не сталкивалась с тем или иным воспоминанием о матери.

Маттео, мрачно красивый, задумчиво напряженный и мучительно преданный своей роли последнего наследника Сан-Джакомо и преемника отца в семейном бизнесе, был именно таким ребенком, которого и можно было ожидать от подобного союза.

Пия, напротив, большую часть жизни пряталась, стеснялась своих щечек бурундука. Ее отправили в монастырскую школу, потом в пансион, подальше от глаз общественности. Все утверждали, что это для ее же блага, и только она знала правду. Слишком неловкая, ширококостная и совсем не изящная. Самая красивая женщина в мире не может иметь

такую непривлекательную дочь. Мать – лебедь, дочь – гадкий утенок. Впрочем, она смирилась. По крайней мере, очень старалась смириться.

Пия смотрела на брата, чувствуя совершенно неуместное желание рассмеяться.

– Ты спрашиваешь, как это случилось? Я уверена, ты уже достаточно взрослый и знаешь, как это получается.

– Спасибо тебе за то, что ты так легко отнеслась к ситуации, Пия. Я рад, что все это для тебя шутка. Похороны отца начнутся через час. Тебе стоило заранее предупредить меня об этом. Ты согласна?

– Я подумала, что должна сделать это лично. К тому же ты находился в Лондоне. Знала, что ты все равно приедешь на похороны, поэтому подумала, почему бы не подождать.

Пии шел двадцать третий год. Взрослая женщина. А заикается, как ребенок, когда старший брат смотрит на нее.

– Это катастрофа! – прорычал он.

Он уставился на нее, качая головой. Она старалась храбро смотреть на него, хотя ей и было стыдно. Щеки заливал жар. Маттео явно разочарован, а это больше всего.

– Мне очень жаль.

– Кто отец?

– Папа тоже меня об этом спрашивал.

Дело в том, что ответ такой унижительный.

Раньше она с восторгом думала об этом. Наконец-то у нее появился секрет! Наконец-то она стала современной женщи-

ной, такой, как все. Все было весело и забавно до утренней тошноты. Пия не сразу поняла, в чем дело.

– Папа знал об этом?

– И мама, и папа знали.

Она не понимала, как мир может продолжать вращаться без родителей. Мать была словно небо над головой, огромное и безграничное. Отец походил на вулкан, большой и внушительный, всегда близкий к извержению.

Как они могли уйти оба?

И как она сможет жить, зная, что именно она убила их, так или иначе?

Рука скользнула по животу и замерла, когда Пия увидела, как Маттео следит за ее движениями. Новая волна стыда захлестнула ее.

Маттео покачал головой, будто не в состоянии осознать информацию.

– Что же они сказали?

Пия попыталась расправить плечи, стать выше. Александрина утверждала: сутулые плечи зрительно убирают рост.

– Примерно то, что и следовало ожидать. Мама сказала, что лучше иметь мальчика, поскольку девочки крадут красоту. А папа заявил, цитирую: «Я должен был догадаться, что ты окажешься не больше чем обычной шлюхой».

Она даже изобразила рычащий голос отца с намеком на йоркширский акцент.

На мгновение брат и сестра уставились друг на друга.

Пия почувствовала, как скрутило живот, но не от утренней тошноты. От предательства. Родители всегда вели себя ужасно. Истерики – одна из основных форм общения. За ними следовали внезапные приступы нежности. Они разочаровались в ней. Пия это знала.

Персонал поместья готовился к поминкам, которые должны были состояться после службы и похорон. Много высокопоставленных гостей заполнят дом, создавая видимость скорби по Эдди Комбу. Пия не хотела принимать в этом участие. И не только потому, что опасалась реакции общества на свое интересное положение, просто пока еще не осознала, что родители ее покинули.

– Неужели ты не знаешь, кто виноват в том, что ты оказалась в таком положении? Или решила не называть его имени?

– Думаю, ты понимаешь, что я сама виновата. На меня не нападали, если ты это имеешь в виду. Со мной не сделали ничего такого, чего бы я не хотела.

Пия могла бы порадоваться беременности, если бы это не ужасало всех, кто ее знает. Она всегда хотела иметь семью. Настоящую семью. Как у обычных людей.

Маттео изучал ее, и она словно видела, как в его голове вращается механизм.

– Значит, поездка в Нью-Йорк. Это случилось тогда, не так ли?

– Если ты имеешь в виду поездку, чтобы отпраздновать окончание колледжа, то да. Мы прекрасно провели неделю в Нью-Йорке. Тем не менее домой я вернулась с небольшим довеском.

Ее вообще с трудом отпустили, за нее тогда вступился Маттео, убедил родителей в том, что она заслуживает шанса жить собственной взрослой жизнью, как любой другой человек. Ее щеки загорелись еще ярче. Интересно, что сейчас о ней думает брат?

– Я ничего не понимаю.

Вдалеке над холмами начали собираться темные облака. За дверью послышались шаги.

– Что именно ты не понимаешь? В таблоидах на фотографиях ты с разными женщинами, хотя и не женат. Как такое может быть?

– Пия.

– Если собираешься вести себя так, будто мы живем в Викторианской эпохе, Маттео, я имею полное право спросить о том, насколько добродетелен ты. Разве нет?

– Прошу прощения. У меня нет привычки вступать в интимные отношения с женщинами, которых я не знаю.

– Ну ладно. Наверное, я просто шлюха.

– Сомневаюсь, – проворчал Маттео.

Но это слово застряло у нее в голове.

Двери в библиотеку распахнулись, появился персонал поместья. Помощник Маттео прошептал ему, что пришло вре-

мя исполнить печальный долг.

Пия пыталась себя утешать. Это не могло стать причиной сердечного приступа, случившегося спустя три дня.

Отпевание вышло простым и удивительно трогательным. Пия задавалась вопросом, смягчатся ли ее воспоминания со временем, будет ли она думать о приятных моментах, или память сохранит последний разговор, когда отец назвал свою единственную дочь шлюхой.

Обратная дорога к поместью была печальной. Мрачная погода соответствовала их скорби. Когда гроб опускали в землю на семейном участке, сгущались темные тучи. Дождя не было, однако дувал резкий неприятный ветер.

Викарий, которого Эдди при жизни ненавидел, пробормотал молитву. Пия не сводила глаз с гроба и едва сдерживала слезы. Вокруг слишком много камер, а Александрина постоянно твердила ей о недопустимости красных глаз и опухшего лица.

Это ударило снова. Матери больше нет. Отца больше нет. Ничто и никогда уже не будет прежним.

Рука Маттео легла ей на спину, и они отошли от могилы. К ним подходили все, кто хотел лично выразить соболезнования. Именно в такие моменты и пригождается школьная выучка. Пия обладала способностью пожимать руки и устанавливать осмысленный зрительный контакт с людьми, практически их не замечая.

– Позвольте выразить соболезнования от имени королевства Атилия и его величества короля Дамиаска, моего отца.

Что-то в этом голосе задело ее за живое. Она было протянула руку, а когда взгляделась в мужчину, стоящего перед ней, ее внезапно охватил жар. Знакомый трепет пробежал по телу. Пия резко подняла глаза и встретилась с ним взглядом.

Как и ожидалось, это был тот самый взгляд, зеленый с золотой поволокой. Мужчина казался таким же потрясенным, как и она.

Пия запаниковала. Как такое могло случиться? Последний раз они виделись в пентхаусе высоко над Манхэттеном. Он спал, а она собрала свои вещи, чувствуя себя сильной и смелой, и на цыпочках вышла. Ей и в голову не приходило, что они снова встретятся.

Похоже, он удивился.

– Ты? Нью-Йорк.

У нее мгновенно потеплело на сердце при виде его губ, изогнувшихся в улыбке. Будто она осталась самым лучшим воспоминанием. Как и он для нее.

Однако предаваться воспоминаниям, хорошим или плохим, недопустимо рядом с братом. Маттео мрачно взглянул на мужчину.

– Нью-Йорк, – эхом повторил он. – Вы сказали, что познакомились с моей сестрой в Нью-Йорке?

– Маттео, остановись.

Мужчина продолжал дружелюбно улыбаться, казалось не

осознавая грозившей ему опасности.

– Да, я познакомился с вашей сестрой на Манхэттене несколько месяцев назад. – Он обратился к ней: – Ты часто там бываешь?

– Мисс Комб, моя младшая сестра, была там лишь однажды! – прорычал Маттео. – И знаете что, она кое-что привезла оттуда.

Мужчина нахмурился:

– Прошу прощения.

– Моя сестра на шестом месяце беременности.

Такое ощущение, будто она попала в аварию. Время вдруг замедлило ход. Такое Пия тысячу раз видела в кино и почти слышала скрежет металла, визг шин. Маттео сжал кулаки и шагнул ближе. Мужчина тогда назвался Эриком. Она сомневалась в том, что это его настоящее имя.

Они оба уставились на Пию, как на забавную диковинку.

– Беременна ваша сестра или нет, меня это не касается, – заявил Эрик гораздо менее дружелюбно.

У Пии заболело сердце. Она положила ладонь на грудь, облекая боль.

Маттео стоял мрачный и разъяренный.

– Пия, это тот самый мужчина?

Она едва дышала.

– Ты забыл, где мы находимся.

– Это простой вопрос.

– Еще раз повторяю, состояние вашей сестры не имеет ко

мне никакого отношения. – Эрик начал выходить из себя.

Он просто бесподобен. Великолепные глаза, шелковистые темные волосы, волевой подбородок. Они познакомились на вечеринке. Пия чувствовала себя неловкой и недостаточно гламурной, и ей показалось, что он осветил все вокруг яркой улыбкой, а когда обратил внимание на нее, ее обдало жаром.

А самое замечательное то, что он и понятия не имел, кто она. Ему понравилась именно она.

Пия так хотела удержать это его отношение. Но, видимо, такого она всегда будет лишена.

– Большое спасибо, что вмешиваешься в мою жизнь, Маттео. У меня действительно был секс лишь с одним мужчиной. – Она повернулась к Эрику: – И я с сожалением сообщаю, что это был ты.

Никакого эффекта. Этого она не ожидала.

– Черта с два, – процедил Эрик.

И Маттео ударил его кулаком.

Прямо в лицо.

Глава 3

Только что Арес смотрел в глаза своей бывшей любовницы. Естественно, улыбался. А что оставалось делать? Хотя, говоря откровенно, он ее не забыл, вспоминал, как загорелись ее серые глаза, когда она посмотрела на него. И ее улыбку, застенчивую и радостную. И уж конечно, вкус ее губ. Возможно, он даже успел подумать о том, что хорошо бы повторить. Однако в следующее мгновение уже лежал на земле. Ему потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что его ударил наследник Комба. Причем сильно. Более того, на виду у журналистов, которые тут же слетелись как саранча. Они делали снимок за снимком, запечатлевали каждую деталь неуклюжего падения наследного принца Атилии, в данный момент распростертого на мокрой траве посреди похоронной церемонии.

Арес взглянул на мужчину, который его уложил. Очень хотелось ответить тем же, но он сдержался. Возможно, он и не хочет становиться королем, тем не менее остается принцем, нравится ему это или нет. А принцам не пристало драться с простолюдинами, как бы те их ни провоцировали. Более того, он предпочитает контролировать информационные поводы своего появления в прессе, особенно на фоне ужасных статей об отце.

Однако Маттео его ударил, и отмахнуться от этого факта

невозможно. Нельзя отвечать подобным образом, это лишь ухудшит ситуацию.

Он поднялся гораздо грациознее, чем упал, отряхнулся и прикоснулся к губам. Кровь. Периферийным зрением Арес заметил движение и поднял руку, прежде чем вмешалась его охрана. Он свирепо смотрел на наследника Комба, чье имя даже не удосужился узнать.

– Вы ведь понимаете, что я наследный принц Атилии, не так ли? Нападение на меня равносильно объявлению войны.

– Это меня не пугает.

– Возможно, вас обоих напугает то, что этот разговор слышат все, – прошипела Пия.

Он помнил ее имя. Пия. Такое короткое, оно ударило его с гораздо большей силой, чем ее брат только что.

Арес посмотрел на нее более пристально и заметил то, что должен был заметить с самого начала. Она расплнела в области талии, это особенно заметно, поскольку фигура Пии тогда показалась ему женственной, но не тяжеловесной.

– Я никогда в жизни не занимался незащищенным сексом, – высокомерно, по-королевски, заявил Арес.

Наследник Комба выглядел разъяренным. Пия покачала головой, ее взгляд метнулся к ауди тории, потом на брата.

– Если хотите вытащить на поверхность все грязное белье, соревнуясь во взаимных оскорблениях, я не смогу вас остановить, однако отказываюсь быть объектом внимания желтой прессы.

Она развернулась и зашагала прочь, пока не стало слишком поздно.

Арес огляделся. Озадаченные, люди терялись в догадках. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сложить два и два. Выросший живот Пии, драка с ее братом.

– Я предлагаю вам последовать за моей сестрой в дом! – отрезал Маттео.

– А если нет, что тогда? Опять ударите? И не указывать, куда мне идти, мистер Комб.

– Следуйте за мной.

Арес вновь рассмеялся, скорее для окружающих, чем потому, что счел ситуацию забавной. Однако иного выхода не было, и он, не спеша, побрел по длинной подъездной дорожке к большому дому на вершине холма, весело болтая по пути с другими гостями, будто находился на вечеринке, а не на похоронах. Будто и не подозревал, какие большие проблемы его ожидают. Чрезмерно заботливый старший братец обвинил в том, что он оплодотворил его сестру.

Кстати, он вполне может уйти. Никто не удержит его здесь, что бы там ни думал этот выскочка. Охрана увезет его в любой момент. Однако Арес решил все выяснить. Это его обязанность.

Он вошел в особняк, снова удивившись, как эти северные европейцы могут жить в столь душных и темных домах. Его провели в библиотеку, напоминавшую офисы директоров школ, в которых он учился. Обычно после вызова в та-

кой кабинет следовало отчисление.

Пия со слишком уж прямой спиной стояла у окна, глядя на маленькую британскую деревушку. Интересно, почему она утверждает, что именно он оплодотворил ее.

Он-то прекрасно помнит ту ночь.

Это был второй раунд. Ну, или третий. Проснувшись, Арес увидел Пию у окна. Она стояла, завернувшись в простыню и прижав пальцы к стеклу. Манхэттен сиял огнями. Арес подошел к ней, словно притянутый магнитом. Откинув в сторону ее темные шелковистые волосы, прижался губами к шее. Он еще помнил томный прерывистый стон, который она издала. Так же как помнил холод стекла под своей ладонью, когда взял ее сзади.

Арес помотал головой, отгоняя воспоминания, потому что тело мгновенно откликнулось с таким же энтузиазмом, как и в ту ночь.

– Я не отец твоего ребенка.

– Поняв, что беременна, я, конечно, попыталась найти тебя. – Пия даже не обернулась, осталась на месте, скрестив руки на животе. – Но кого бы ни спрашивала, никто не мог вспомнить никакого Эрика на той вечеринке.

Арес не мог оторвать от нее глаз, будто никогда раньше не видел беременной женщины.

– Значит, из-за того, что я назвался чужим именем, ты сделала вывод, что лучше тебе самой солгать. О чем-то гораздо более серьезном.

Пия вздохнула, но так и не повернулась.

– Не найдя никого по имени Эрик, я подумала, что это справедливо. Женщины с незапамятных времен попадают в подобные ситуации. Я решила рассказать семье о том, что да, у нас была одна ночь в Нью-Йорке, и я не знаю, с кем переспала, от кого забеременела.

– Это не мой ребенок.

– Но я-то пережила этот позор. Пытаюсь пережить. Правда, не ожидала увидеть тебя снова.

– Совершенно очевидно, что нет. – В Аресе бушевала темная ярость. – Иначе не посмела бы лгать.

Она повернулась, лицо ее было спокойно. Даже безмятежно. Только в серых глазах горел огонь.

– Самое смешное, я раньше думала, что все это очень стыдно, хуже и быть не может. Но нет. Я поняла, что может.

Что-то дрогнуло в сердце, но Арес проигнорировал это.

– Ты не имеешь права говорить всем, что у тебя будет ребенок от меня, – зарычал он. – Это в лучшем случае аморально и сомнительно, независимо от того, кто отец. Однако, утверждая, что носишь моего ребенка, ты тем самым заявляешь, что носишь наследника атилианского трона. Ты понимаешь, что это значит?

Пия побледнела.

– С чего бы мне понимать? Пятнадцать минут назад я даже не знала, кто ты.

– Теперь знаешь. И должна немедленно отказаться от сво-

их притязаний.

– Ты отрицаешь, что мы спали вместе?

– Насколько я помню, мы почти не спали. Правда, не понимаю, какое это имеет отношение к делу.

– Я спала только с одним мужчиной, – выпалила Пия. – С тобой.

Это заявление взорвало ему мозг.

– Если не ты отец, значит, у нас серьезная проблема. – Она даже улыбнулась, отчего Арес разъярился еще больше. – Придется связаться с Ватиканом, сообщить о втором непорочном зачатии? Или сделаешь это сам?

Арес уставился на нее. Ему нравилось думать о себе, как о независимом человеке, не обязанном заботиться о короне и королевстве. Тем не менее он принц и не привык, чтобы к нему обращались подобным образом. До этого момента ему и в голову не приходило, что лишь немногие люди осмеливались относиться к нему иначе, чем с величайшим уважением. А тут вдруг ударили по лицу и, более того, дерзнули общаться с ним слишком вольно.

– К счастью, не имеет значения, веришь ты мне или нет. Можно провести тест на определение отцовства как до, так и после рождения ребенка.

– Вопрос не в том, верю я тебе или нет.

– Я не виню тебя. – Пия будто не слышала его. Очередной новый опыт для Ареса. Она словно пытается быть великодушной. – Понимаю, в это трудно поверить, особенно тебе.

Он приподнял бровь, и ему показалось, будто между ним и портретами высокомерных царственных предков проследивается некое сходство.

– Особенно мне?

– Сомневаюсь, что ты помнишь подробности нашей ночи. Или меня. Тебе, должно быть, подобные приключения не в новинку.

– Послушай, ты утверждаешь, будто была невинна до той ночи. Не понимаю, почему? Ты ведь не ребенок. Ты воспитывалась в монастыре, Пия?

На ее лице промелькнула улыбка.

– Да.

– В настоящем монастыре? С монахинями?

– Конечно, с монахинями. Какой же монастырь без монахинь?

– Чем ты там занималась?

Пия скривилась.

– Естественно, защищала свою честь, хранила целомудрие. Что же еще?

– И что, вышла из монастырских стен в большой, полный соблазнов, мир и решила, что наконец пришло время избавиться от надоевшей девственной плевы? С первым мужчиной, которого увидела?

– Сначала я окончила школу. – Несмотря на бледное лицо и широко распахнутые глаза, она пыталась сохранять присутствие духа, и Арес это заметил. – Узнала чрезвычайно

важные вещи. Немного политологии и экономики, чтобы поддерживать разговор с любым собеседником. А еще научилась тому, как лучше анализировать книги, чтобы выглядеть интеллектуальной, но простой. Я грациозно танцую, как и подобает хозяйке или гостье на любом мероприятии, изучила различные виды реверансов и когда их надлежит использовать. Я должна была стать своего рода женственным оружием. Если ты понимаешь, о чем я.

– Я ничего не понимаю. – Говоря это, он не мог отвести от нее глаза, вспомнив магическое притяжение той ночью. – Но тем не менее ощущаю эффект от взрыва твоей бомбы.

– Я окончила школу полгода назад. – Пия выдержала его взгляд. – И мы с друзьями решили съездить в Нью-Йорк, чтобы отпраздновать это событие. Один из них знал человека, который устраивал эту вечеринку. И там был ты. Теперь понимаешь?

– У меня в жизни было много секса, но ни одна женщина никогда не приходила ко мне с заявлениями о беременности.

– Я никуда не приходила. Это сделал ты, явившись на похороны, – сверкнула она серыми глазами. – Однако давай отбросим это и продолжим говорить о твоих эмоциях.

– Дело не в эмоциях, – процедил он сквозь зубы. – Речь о том, что возможно, а что нет.

– Я знаю лишь один способ забеременеть. Была только одна ночь. И единственный мужчина.

– Но я тут ни при чем.

– Пожалуйста! – Ее большие серые глаза умоляюще смотрели на него, однако поднятая рука скорее выражала требование. – Нет смысла спорить об этом. Давай организуем тест на определение отцовства и поговорим, когда получим результаты.

– Ты же не ждешь, что я растворюсь в тумане. Или хочешь этого?

В следующее мгновение он уже стоял рядом и обнимал ее за хрупкие плечи, удерживая, будто она порывалась уйти. Что на него нашло?

Странное выражение промелькнуло на ее лице.

– Этот вопрос ты должен задать себе. Без теста не узнать, кто отец. Я, конечно, ничего не скажу, кто бы ни спросил.

Это заявление придавило его, словно камень. Он мог развернуться и уйти прямо сейчас. Таблоиды, конечно, не обойдут вниманием эту новость, но постепенно все затихнет.

И он продолжит жить как прежде.

Арес вдруг подумал о матери. Она разочаровалась бы в нем, если бы находилась здесь. Для королевы не было ничего важнее семьи. Она мечтала, чтобы он женился и у него появился ребенок. Арес легко мог игнорировать желания отца. Но не матери.

Он осознал, что по-прежнему обнимает Пию за плечи. Ее голова была запрокинута назад, живот прижат к его телу. Он не хочет иметь с этим ничего общего. Вот бы повернуть время вспять, не присутствовать на похоронах. А еще лучше

вернуться в Нью-Йорк. Чтобы не было той ночи. Даже если бы он никогда не почувствовал вкус губ Пии, который до сих пор преследовал его, как бы он ни отказывался это признавать.

– Ты должна знать обо мне две вещи. – Он будто давал клятву. – Во-первых, я не собираюсь жениться. Мой отец, король, больше всего на свете хотел бы выбить меня из линии наследования. И я сделал все возможное, чтобы помочь ему. Это предпочтительнее, чем играть по его правилам. А во-вторых, что не менее важно, у меня никогда не было намерения иметь детей.

Ее голос дрогнул.

– Это королевское обращение? Над этим нужно немного поработать.

Аресу стало стыдно, он помрачнел.

– Я не хочу в этом участвовать, тем не менее выполню долг. Тем или иным способом.

Что имел в виду, он не понял, сосредоточившись лишь на том, что, сам того не желая, подошел к ней слишком близко. Его губы оказались на опасно коротком расстоянии от ее губ. Он мог легко прижаться к ним, невероятно сладким и мягким.

Пия высвободилась и отступила. Ее руки легли на живот, будто она защищала от него ребенка. Его ребенка, если то, что она сказала, правда.

– Я ни о чем тебя не просила. – Она говорила тихо, но

четко и уверенно. – Тем более действовать из чувства долга. Огромное тебе спасибо.

Дверь позади них распахнулась. Арес обернулся, удивленный тем, что кто-то осмелился его прервать.

Похоже, сегодня день сплошных удивлений.

Начальник службы безопасности виновато наклонил голову.

– Ваше высочество, боюсь, у нас могут возникнуть проблемы с папарацци. Мы должны идти.

Глава 4

Пия почувствовала себя так, словно ее ударили хлыстом. У могилы отца все происходило как в замедленной съемке, но теперь события сами по себе понеслись вскачь. Бросив взгляд в окно, она увидела толпу кричавших репортеров, расталкивающих друг друга. Внутри у нее все сжалось.

Она чувствовала себя как поезд без тормозов, постепенно набирающий скорость, хотя и понимала, что это не так. События развивались не по своей воле.

Это он. Принц Арес. А вовсе не Эрик. Где были ее глаза, почему в Нью-Йорке она ничего не увидела. Его королевская стать очевидна. Прямая спина, гордая посадка головы. То, как он вскидывал царственные брови, как сразу взял управление в свои руки.

Он отвел ее от окна, рывкнул что-то охраннику и снова обратил пристальное внимание на Пию.

– Тебе придется пойти со мной, – заявил он тоном не терпящим возражений.

– Пойти с тобой? Что ты имеешь в виду? Куда?

Арес не стал дожидаться ее согласия. Возможно, решил, что в этом нет необходимости. Возможно, в его стране любой каприз или желание принца – закон. Судя по его поведению, так оно и есть. Он зашагал прочь, вдруг остановился в дверях, повернувшись к ней, посмотрел удивленно и высоко-

комерно.

– Пия. Это твое имя, не так ли?

– Да, мое. – Она заставила себя улыбнуться так, как ее учили, спокойно и доброжелательно. – Похоже, из-за всей этой неразберихи я пропустила твое официальное представление. Ты, собственно, кто?

На него это произвело эффект пощечины. Он моргнул, будто ему никогда не приходило в голову, что кто-то из живущих на земле может не знать его. Неужели она притворилась, будто не узнала его в Нью-Йорке?

Она должна была проявить больше сочувствия, зная, каково это – быть известным, предпочитая остаться инкогнито, иметь неотвратимую семейную принадлежность, которая преследует на каждом шагу, а порой даже бежит впереди. Будь она более великодушной, возможно, не получила бы такого удовольствия, наблюдая за его реакцией.

– Я – его королевское высочество наследный принц Атилии Арес. Герцог такой-то, граф такой-то. Но прочь титулы. Можно просто Арес.

Он, конечно же, нисколько не стыдился, что провел ночь с женщиной, имени которой узнать не удосужился. Да и зачем. Пия решила, что не обязана стыдиться. По крайней мере, могла притвориться. Вздернув подбородок, она попыталась изобразить лучезарную улыбку. Но тщетно.

– Рада наконец узнать твое имя. Должна заметить, я не собираюсь никуда с тобой ехать. В конце концов, мы только

что познакомились.

Она вспомнила каждый страстный, обжигающе горячий момент ночи, которую провела с ним. Его лицо постоянно менялось. Смех, возбуждение, наивысшая точка наслаждения. И вот теперь впервые увидела опасное выражение его лица.

– Ты не понимаешь, поэтому позволь мне просветить тебя. – Его голос звучал вкрадчиво и жестко, зеленые глаза сверкали. – Ты претендуешь на трон королевства Атилия. Если то, что ты говоришь, правда, значит, это мой ребенок.

– Какое это имеет значение. – Внешне она была спокойна, но только внешне. – Ты сказал, что не собираешься жениться. А потому не имеет значения то, что у тебя есть незаконнорожденные дети. Полагаю, все короли этим грешат, ну, или почти все. Их дети разбросаны по всему свету, достаточно вспомнить историю как науку.

Его идеальные, словно вылепленные талантливым скульптором, губы сжались, взгляд стал еще более темным, более опасным.

– Атилия – древнее королевство со старинными традициями. Хочешь прослушать лекцию о нашем порядке престолонаследия?

– Нет.

Арес проигнорировал это заявление. Или ему наплевать, что более вероятно.

– Законный наследник имеет приоритет над незаконным.

Но это касается только мужчин.

– Какой шок.

– Я следующий в очереди на трон. Мой законный ребенок взойдет на него после меня. Если у меня не будет детей, престол перейдет к любым детям, которых родит вторая жена моего отца, либо к моему кузену. Мои незаконнорожденные дети в очереди престолонаследников будут впереди детей моего отца только в том случае, если у него родятся девочки.

– Спасибо, все это так увлекательно. Но ты можешь просто уйти. Не нужно никому ничего говорить. Я поступлю так же. Давай забудем об этой проблеме.

– Боюсь, уже слишком поздно, Пия. Все выплыло наружу. Смотри, как расшумелись репортеры перед домом.

– Ты ведь понимаешь, как глупо зависеть от того, что пишут таблоиды.

– Я никогда от них не зависел.

– Замечательно. Значит, не надо и начинать.

– Ты упоминала, что прежде никогда не появлялась в таблоидах. Нет необходимости окунаться в эту мерзкую клоаку.

Если бы она не знала его, могла бы подумать, что он пытался защитить ее.

– Более того, репортеры слышали твои слова. Ты ведь знакома с мировой историей. Войны начинаются не только из-за притязаний на трон.

– Ты много говоришь о войне.

– Я – принц. Одна из моих главных целей в жизни – предотвращение войн. А один из способов сделать это – следить за тем, чтобы личные дела были в порядке. – Он склонил голову, и Пия поняла, что это приказ, а не знак повиновения или капитуляции. – Моя машина ждет.

– А если я откажусь?

– Охрана силой посадит тебя в машину. Ты этого хочешь?

Пия не знала, чего хочет, но чувствовала себя так же, как в смотровой, когда врач сообщил ей новость. Ей и в голову не приходило подумать, что она беременна. Она заставила доктора повторить это три раза.

За дверью раздавался резкий голос Маттео. У дома их караулила толпа кровожадных репортеров, требовавших комментарии. События развивались с бешеной скоростью...

Сразу же после окончания школы у Пии состоялся разговор с матерью.

– Позволь рассказать тебе, какую жизнь ты будешь вести.

Пия чувствовала, что не оправдывает ожиданий Александрины.

– А разве не мне решать, как жить? – удивилась она.

– Нет, дорогая девочка. Твой отец приложил огромные усилия, чтобы сделать тебя идеальной наследницей. Послушной, достаточно приятной, разумной и очень, очень богатой. Ты будешь работать в какой-нибудь достойной благотворительной организации, которую мы, конечно, предварительно проверим. Посвятишь этому год или два. А потом

отец найдет тебе жениха. Возможно, даже у тебя будет выбор из одобренных им кандидатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.